

**Беседа Ирины Барсэл
с Сергеем Дмитриевичем Умниковым,
собирателем первого музея Анны Ахматовой в России
(Запись 1984 года)**

*Вступ. сообщение Е. В. Абаровой, расшифровка записи
и подгот. текста И. П. Барсэл, коммент. Г. В. Петровой.*

Сергей Дмитриевич Умников (20. 10. 1902 (ст. ст.), с. Сабаново, Симбирская губ. – 30 сентября 1999 (н. ст.), г. Пушкин, С.-Петербург), агроном, педагог, коллекционер, создатель музея, даритель; канд. с.-х. наук (1933?) почет. гражданин г. Пушкин (1997).

Родители С. Д. Умникова – из крестьян: отец плотник, мать – домохозяйка. Умников окончил 6 классов среднего учебного заведения. До 1919 года учился и жил на иждивении отца. Участник Гражданской войны. С марта 1919 года по 24 января 1921 года добровольцем служил в Красной Армии. Окончил Ленинградский сельскохозяйственный институт (ЛСХИ, 1925). Аспирант (1925–1929). Доцент кафедры общего земледелия ЛСХИ. С 1932 года – преподаватель, а с 1934 года – старший преподаватель. Доцент с 1 сентября 1934 года до 15 декабря 1963 года с перерывами. Участник советско-финской (1939–1940) и Великой Отечественной (1941–1945) войн; награжден орденом Отечественной войны II степени (1985); медалями: «За оборону Ленинграда» (1943), «За Победу над Германией» (1946).

Осенью 1926 года произошла встреча С. Умникова с А. Ахматовой на квартире Рыбаковых (полуциркуль Екатерининского дворца). «Приняла она нас <Умникова и его друга. – Е. А.> довольно любезно. Поздоровалась, подав руку. <...> Любезность Ахматовой была, однако, какой-то сдержанной. Перед нами была “королева”! А когда мы сказали о своей просьбе – она категорически отказала: “Не просите”. Было ясно, что дальнейшие уговоры недопустимы.

Несмотря на отказ выступать в студенческом клубе, все же у нас с ней состоялся небольшой разговор. Полностью его я, конечно, не помню. Но запомнилось, что Анна Андреевна говорила: “Детское Село – мой самый любимый город. Душой отдыхаю здесь”.

Обстановка в квартире, где нас принимала Анна Андреевна, оказалась нам богатой. Но позднее я узнал, что это была квартира не Ахматовой, а ее друзей Рыбаковых. <...> мебель им была выдана на временное пользование из дворцового управления, в комнате мое внимание сразу приковал нарядный попугай, сидевший в клетке. Не о нем ли она когда-то писала:

А теперь я игрушечной стала,
Как мой розовый друг какаду».¹

С 1924 года Умников собирал материалы, связанные с ее творчеством и биографией, систематизировал и изучал их; первый предмет коллекции – сборник «Четки» (Берлин, 1920). В составе коллекции (1996) – несколько тысяч единиц хранения.

Пояс от платья А. А. Ахматовой передан коллекционером из Тамбова Н. А. Никифоровым, получен им от семьи Ардовых.

Книжное собрание: издания произведений Ахматовой, включая первые (дореволюционные) экземпляры поэтических сборников; сборники более позднего периода творчества на русском и иностранных языках (нем., англ., болг.); сборники ее переводов с китайского, корейского, греческого, норвежского языков; воспоминания об Ахматовой; труды, посвященные ее жизни и творчеству (некоторые книги – с дарственными надписями авторов); подборка газетных и журнальных публикаций произведений Ахматовой (в т. ч. из журнала «Аполлон» (1911), с первой публикацией стихов поэта; «Ленинград» (№ 1–2 за 1946), «Октябрь» (№ 3 за 1987) с первой публикацией поэмы «Реквием»); газетные и журнальные статьи, посвященные творчеству Ахматовой.

Ее иконография: «Портрет А. Ахматовой в мантии Оксфордского университета» (дар художника М. Г. Тиме, 1979?), фотопортрет с картины Н. И. Альтмана (дар вдовы художника), палехская шкатулка с портретом поэта, ее фотографии; гипсовый слепок руки Ахматовой (дар Ф. Г. Раневской), ее гипсовая посмертная маска (работы Г. Д. Распопова), бюст (художницы Н. Я. Данько), юбилейная кофейная чашка с ее изображением (подарок ЛФЗ) и др.; фотографии ее родных, друзей, современников.

¹ Ахматова Анна. Собр. соч. В 6 т. Т. 5. М., 2001. С. 8.

Собрание звукозаписей голоса Ахматовой и исполнителей ее стихов; копии автографов Ахматовой; коллекция нагрудных значков с изображением Ахматовой; коллекция экслибрисов (сформирована Умниковым в альбом «Ахматова в тысяче экслибрисов»).

Письма деятелей культуры, общественных деятелей, коллекционеров, почитателей творчества Ахматовой, среди которых – Ф. Г. Раневская, Т. М. Вечеслова, С. С. Гейченко – директор Всероссийского музея-заповедника «Пушкинские горы»; Ю. В. Никулин, патриарх Алексей, Д. С. Лихачев, М. Баженов – коллекционер из Москвы, И. В. Смирнова – старший научный сотрудник музея И. А. Гончарова, В. Е. Зелинская – заведующая Музеем-квартирой А. С. Пушкина, Р. М. Минкина – научный сотрудник Смоленского музея-заповедника, сотрудники института Гете, Н. И. Попова, Л. Рудакова-Шушенская, В. А. Захаров – старший научный сотрудник Дома-Музея М. Ю. Лермонтова в Тамани, Н. М. Тимофеева – сотрудник Музея М. Е. Салтыкова-Щедрина в Калининне <ныне Тверь. – *Е. А.*>, И. П. Саутов – директор Дворцово-паркового Музея-заповедника г. Пушкина и др.

20 февраля 1985 года Умникову выдано Охранное свидетельство: «Собрание материалов об А. А. Ахматовой взято на учет и под охрану Главного управления культуры»; в документе отмечена «большая историко-мемориальная ценность собрания».

20 апреля 1996 года был подписан договор о передаче коллекции С. Д. Умникова «Первый музей А. А. Ахматовой» в дар г. Пушкину. Умников – его директор и единственный сотрудник на общественных началах. Умников размещал коллекцию (музей) в своей 1-комнатной квартире в г. Пушкин. В 1982 году к С. Д. Умникову приезжал Л. Н. Гумилев. «Был у меня в гостях и сын Анны Андреевны, Лев Николаевич Гумилев, – на моем 80-летию. Тогда же был и известный исследователь творчества Ахматовой, доктор филологических наук А. И. Павловский. Приезжали и многие другие интересные люди – поэты и писатели. Они очень поддерживали меня в собирании музея».²

С. Д. Умников проводил на базе своего музея просветительские мероприятия, экскурсии для всех желающих и др. Им было организовано для этих целей объединение любителей поэзии – «Бродячая Муза». Он предоставлял предметы из коллекции для выставочных

² Из устных воспоминаний С. Д. Умникова.

проектов краеведческого литературно-исторического музея (г. Пушкин).

В 1996 году Умников передал коллекцию в дар г. Пушкин с условием размещения ее в Царскосельской гимназии искусств, располагающейся в здании бывшей Мариинской женской гимназии (с 2000 года – им. А. А. Ахматовой), где училась Ахматова. 25 октября 1996 года в гимназии открыта первая экспозиция, где были представлены предметы из коллекции Умникова. Коллекция положена в основу постоянной экспозиции «Анна Ахматова. Царское Село», открытой в гимназии в 1999 году.

Умников составил, в том числе с использованием материалов своей коллекции, «Краткую Ахматовскую энциклопедию (от А до Я, тысяча кратких справок)», и издал ее на свои средства (Л., 1991).

Благодаря Умникову, по инициативе «Бродячей Музы» в 1989 году в г. Пушкин появилась Ахматовская ул. (быв. Вокзальная).

С. Д. Умников награжден медалью «За доблестный труд к 100-летию Ленина» (1970), памятными медалями. Лауреат Царскосельской премии (1997).

Похоронен на Казанском кладбище.³

* * *

– Сергей Дмитриевич, к Вам со всех концов земли приезжают люди, потому что Вам удалось собрать первый в Советском Союзе музей Анны Ахматовой. И не только собрать, но и открыть его. Расскажите, пожалуйста, о нем. Как возник этот музей? С чего все начиналось?

– Мое собрание часто называют музеем, хотя музей это домашний, скромный. Материалов собрано много и им здесь, в этой однокомнатной квартире, уже тесно.

С чего началось соби́рание материалов?

Я агроном по образованию. Последнее время работал доцентом сельскохозяйственного института. И пока занимался своей специальностью, у меня на руках была только одна книжечка Ахматовой: «Четки» 1920 года.¹

³ См: Абарова Е. В. Поэта неведомый друг: К столетию со дня рождения Сергея Дмитриевича Умникова. СПб., Пушкин, 2002; «Мои первые воспоминания – Царскосельские...». Анна Ахматова в Царском Селе / Сост. Е. В. Абарова. СПб., 2008.

Выйдя же на пенсию, я задумался, чем же заниматься в свободное время, и через некоторое время, в результате поисков, нашел тему об Анне Андреевне Ахматовой. Ею теперь занимаюсь всецело и часто говорю, что Анна Андреевна скрасила мою старость.

Ко мне приходит много людей познакомиться с материалами об Ахматовой, узнать что-то новое о ней, потому что публикаций о ней, на сегодняшний день, очень мало. Многие впервые знакомятся с Ахматовой, потому что обстоятельства сложились так, что многие о ней (в силу того, что ее то запрещали, то не печатали) просто ничего не знают.

Сейчас у нашего музея очень много друзей. В книжечке, в которой я записываю дарителей музея, на сегодняшний день записано 467 человек. Скоро будет полтысячи человек, которые что-то подарили нашему музею. Кто-то дарит маслом написанную картину, кто-то экслибрис с изображением Ахматовой, кто-то присылает книги, кто-то вырезку из газеты, а кто-то свое пусть даже и слабенькое стихотворение, посвященное Ахматовой.² Я принимаю все. Я считаю, что пустяков и неважных вещей у нас здесь нет. Пусть это даже какой-то ученический рисунок на ахматовскую тему, но и в него вложены мысли о ней, личные переживания, какие-то чувства владели автором, это все и составляет содержание работы. Пусть потом без меня специалисты разбираются, что важно и что не важно. Я собираю решительно все. Посетители бывают у меня сейчас ежедневно, и даже приходится записываться за неделю, а то и за две, потому что время посещений расписано. Выступаю я и вне своей квартиры, когда приглашают. В этом году три раза я выступал в Сестрорецком курорте, и вот скоро опять поеду туда рассказывать об Ахматовой, т. к. публика там сменная. Люди все время новые. Одни приезжают, другие уезжают.

Чем мне дорога Ахматова? Меня часто спрашивают, почему я занялся именно Ахматовой. Я впервые познакомился со стихами Ахматовой в 1924 году. Случилось так, что я в парке сел на скамейку, на которой сидела какая-то девушка и читала книгу. На какой-то странице она ахнула. Я не утерпел и спросил, что она читает? Она посмотрела на меня и сказала, что Ахматову.

Я об Ахматовой тогда ничего не знал и спросил:

– Кто такая Ахматова?

Девушка возмутилась:

– А каких же Вы тогда поэтов знаете?

Дело кончилось тем, что она мне эту книгу, которую читала, дала. Со словами:

– Даю Вам эту книгу, чтобы Вы больше не говорили, что не знаете Ахматову.

Потом у нас была переписка. Письма были заполнены стихами Есенина, которого я раньше любил очень, и стихами Ахматовой.

Так получилось, что эта книжечка сохранилась у меня до сих пор. С нее, собственно, и начался этот музей. Это самый старый экспонат моего музея. С девушкой я потом потерял связь, хотя мы дружили долго. Сейчас я не знаю, жива ли она, и если жива, где находится.

Вот с тех пор я люблю стихи Ахматовой и почитаю в ней великого поэта.

Выйдя на пенсию, я занялся Ахматовой потому, что она заслуживает, чтобы был в нашей стране (и не только в нашей) музей Ахматовой, заслуживает, чтобы все ее знали, чтобы были ей поставлены памятники.

Но всего этого пока нет. Нет ни одной мемориальной доски нигде. Ни в Ленинграде, ни в Пушкине, ни в Одессе, где она родилась. Не говорю уже о памятниках. Многие ее слабо знают в силу сложившихся обстоятельств.

Это все и поставило передо мной вопрос: а не попробовать ли мне положить начало созданию Ахматовского музея, пусть даже в своей маленькой квартире? И я нисколько не жалею об этой своей затее, потому что работа над созданием музея доставила мне много радости и принесла большое удовлетворение.

– *Сергей Дмитриевич, в Вашей квартире совсем нет свободного места, всюду экспонаты, отовсюду смотрит Анна Андреевна. Есть даже слепок руки. Он поступил от Фаины Георгиевны Раневской, да?*

– Да, это подарок Фаины Георгиевны.³

– *Есть ли у вас предпочтения? Может быть, есть то, от чего перехватывает дыхание?*

– Я уже сказал, что для меня дорого все. Поэтому у меня нет, пожалуй, особых предпочтений. Мне правда дорого все. Любой пустяк, казалось бы. Хотя есть такие экспонаты, которые особенно радуют посетителей, да и меня в их числе. Вот один из первых подарков –

гербарий с Дальнего Востока. Гербарий с засушенными растениями, а женщина, которая прислала мне его с Дальнего Востока, находящегося на другом конце Советского Союза, из порта «Ванино», назвала этот гербарий «АХМАТОВИАНА».

Почему он так называется? Потому что на каждом листе этого гербария кроме засушенных растений есть стихи об этих растениях, написанные Ахматовой, в них она упоминает эти растения. Этот гербарий вызывает большой интерес у моих посетителей. Его часто просят показать, полистать, просят дать подержать в руках.

А вот здесь Вы можете видеть фотографию Фаины Георгиевны Раневской с очень дорогой для меня надписью: «*Дорогому Сергею Дмитриевичу*». А я никогда живую Фаину Георгиевну не видел. И она меня живого тоже не видела. И дорог ей я, конечно, только потому, что занимаюсь ахматовской коллекцией. Фаина Георгиевна стала почетным председателем совета нашего музея. Она от этого не отказалась, хотя писала мне, что она старая, живет в Москве и работать у меня не сможет. Я ответил Фаине Георгиевне, что, конечно же, не «вербую» ее работать у нас, и что нам очень лестно будет, если она будет почетным председателем. Надо сказать, что она не осталась безучастной и присылала нам много интересных и редких фотографий. И вот совсем недавно я получил от нее этот гипсовый слепок руки Ахматовой. Он долгое время хранился у Фаины Георгиевны, и совсем недавно она передала его нашему музею. Раневская говорит, что она более 30 лет дружила с Ахматовой и что она гордится, что Ахматова подарила ей свою дружбу.

Еще я упомянул Вам книжечку «Четки», которая у меня с 1924 года. Для меня это тоже любимый и особенный экспонат. У меня собраны все прижизненные издания ахматовских книг, за исключением «Вечера». «Вечер» вышел тиражом 300 экземпляров, как говорила сама Ахматова. Его достать теперь очень трудно.

Один человек, мне сказали, будто бы готов уступить его за 1000 рублей (при средней зарплате граждан СССР – 110 руб. в месяц), но даже не пришел, чтобы показать, и я его так и не увидел. Но, однако, «Вечер» есть у моего друга Румянцева Александра Михайловича⁴ в Ленинграде. Он является состроителем нашего музея. Я от него многое получил и получаю. Мы продолжаем дружить. Есть «Вечер» и в Публичной библиотеке, и в ряде других мест.

– Сергей Дмитриевич, скажите, есть ли на сегодняшний день у нас в стране еще хоть один музей Ахматовой?

– Другого музея Ахматовой – нет. Мои друзья убедили меня, чтобы я не возражал, когда наше собрание называют музеем. Музей, так музей. *(Улыбается)*. Нет. Другого музея не существует. И пусть будет такой, чем совсем никакого. Поэтому люди так и тянутся сюда, потому что другого ничего нет.

Узнав о нашем собрании, люди спешат сюда, чтобы что-то посмотреть и узнать, услышать новое об Ахматовой.

– Вы говорите, узнать. Узнать, конечно, очень хочется, потому что на сегодняшний день нет ни одной биографии Ахматовой. Существуют разрозненные исследования Романа Тименчика, Татьяны Цивьян, Анны Хан, Леонида Долгополова *(внутри блоковской темы)*, но ничего цельного. Хороших, полных биографических книг об Ахматовой нет.

– Да, биографических книг об Ахматовой нет. Мы не теряем надежды, и почти уверены, что в свое время выйдет книга об Ахматовой в серии «Жизнь замечательных людей». ⁵ Но пока что она там не выходила, да и другой биографии Ахматовой не издавалось.

Я написал свою работу коротко. Назвал ее «Об Ахматовой». Но она перепечатана только в нескольких экземплярах. *(Смеется)*. В машинописном виде у нас это есть. И некоторыми используется.

– Сергей Дмитриевич, а Вы не могли бы сейчас немного рассказать об этой своей книге. Что в ней?

– Я держусь в этой книге хронологической последовательности. Начинаю с того, что она родилась в Одессе, в местечке, которое называется Большой фонтан. (Отчего у меня и появилась мысль, чтобы Ахматову изобразили в платье с матросским воротником).

–...т. е. на ваших стенах ваш заказ?⁶

– Да, так у меня появилось несколько работ, выполненных художниками по моему желанию, точнее по моей просьбе.

Ее отец был морской офицер. Ее первая поэма называется «У самого моря» и стихотворений на морскую тему много, отсюда такое желание.

Но Ахматова, как известно, в Одессе почти не жила. Ей не было еще и года, когда ее родители поселились в нашем Павловске, рядом с Пушкиным (Царским Селом). В Павловске они тоже жили недолго, перебрались оттуда в Царское Село. Здесь, как сама Анна Андре-

евна пишет, прошли ее детство и ранняя юность, здесь она у нас ходила в гимназию. Кстати сказать, здание гимназии сохранилось, его можно посмотреть. Здесь она, когда ей было 14 лет, около Гостиного нашего двора познакомилась с гимназистом Николаем Гумилевым.⁷ С тех пор он ухаживал за ней и, наконец, в 1910 году добился, чтобы она стала его женой. Они обвенчались в церкви под Киевом (теперь уже в черте города, где сейчас расположен район Дарница). После венчания они поехали в свадебное путешествие, в Париж, и в 1911 году они снова были с мужем в Париже. Во время первого приезда Ахматовой в Париж Гумилев познакомил ее с художником Модильяни.⁸ И мне представляется, что по Парижу Ахматова больше гуляла с Модильяни, нежели со своим мужем. Гумилев был очень занят, занимался своими делами, часто оставлял ее одну. Не только на несколько дней, но иногда на много месяцев. Он только три раза ездил в Африку охотиться на диких зверей.⁹

Третий раз оказавшись в Париже в 1965 году, за год до своей смерти, это когда она ездила в Лондон за получением свидетельства о присвоении ей почетного звания доктора Оксфордского университета. Она тогда попросила разрешения остановиться на три дня в Париже. И в эти три дня к ней приходили многие ее знакомые, которым она говорила: «Пройдемте со мной по тем местам, где я гуляла с Модильяни».

После того как Ахматова и Гумилев вернулись из Парижа, они поселились у нас в городе Царском Селе. Это второй период жизни Ахматовой в Царском Селе с 1910 по 1916 год. В 1916 году, когда шла война с Германией, Гумилев был в армии, но Ахматова в 1916 году уехала из дома свекрови, который был вместе с тем и домом ее мужа. Она уехала в Ленинград¹⁰ <sic! – И. Б.>, уже решив, по-видимому, тогда с Гумилевым не жить. Трещина в их отношениях появилась довольно рано. Недаром она писала, «в этом доме очень страшно жить».¹¹ Это дом (теперь улица Революции¹²), где Ахматова писала и где стояла и колыбелька ее ребенка.

– *Сергей Дмитриевич, а когда наметилась трещина в отношениях, о которой Вы говорите?*

– Да вот в 1912 году, когда Ахматова родила сына, Льва Николаевича Гумилева, своего единственного ребенка, других детей у нее не было. В ту же пору или вскоре (Орест родился в 1913 году¹³) она

узнает, что у Николая Степановича появился еще один сын от помещицы Высотской,¹⁴ имение которой находилось в Тверской губернии. Он рано начал ей изменять. И эта трещина, я думаю, дала повод написать, что «в этом доме очень страшно жить».

– *Сергей Дмитриевич, а Вы не знаете, кому адресовано стихотворение «Высокие своды костела»? Что за намеки в нем на трагедию в личной судьбе, о чем она?*

– Во многих стихах Ахматовой отражается ее собственная судьба, но я не думаю, что всякое лыко надо пускать в строку. Все в точности не может быть автобиографично. Вот она в одном из стихотворений говорит, что они венчались в Софийском соборе в Киеве. Но нам известно, что венчание было не в Софии, а на другом берегу Днепра, там, где сейчас находится район Дарницы. Или в постановлении 1946 года ее клеймили за многое и в том числе за блудницу, каковой она себя нарекла в одном из стихотворений. Но такой прямолинейный подход выглядит глупо.

Очень хорошо сказано о ней в некрологе Союза Советских писателей¹⁵ о том, что она была высоконравственным поэтом, и стихи ее отличаются тем же. Она облагораживала человеческие чувства, была человеком достойным подражания.

– *Сергей Дмитриевич, я спросила Вас о стихотворении «Высокие своды костела» в связи с тем, что в «Поэме без Героя» звучит та же тема самоубийства. Только в «Поэме» эта тема имеет прямое отношение к судьбе Ольги Афанасьевны Глебовой-Судейкиной, примы-балерины 1910-х годов, ее близкой подруги, а в комментариях к «Поэме» Ахматова пишет о личном мотиве... Поэтому хочется и подсказку в тексте. Что Вы скажете? «Высокие своды костела» – тема темы «Поэмы без Героя» и тоже 1913 год.*

– В «Поэме без Героя» несомненно говорится о случае, связанном с Ольгой Глебовой-Судейкиной.¹⁶ И Князевым.¹⁷ Но есть, может быть, легенда, а может быть, нечто имеющее под собой основание, будто бы Ахматова говорила, что и из-за нее покончил один человек жизнь самоубийством,¹⁸ но это требует для меня дальнейших подтверждений. В связи с этим я вспоминаю, что и сама Анна Андреевна пыталась покончить жизнь самоубийством, но это в ранней юности. Она говорила, что после этого ей было стыдно. Это была ее первая и последняя попытка. Тема самоубийства в начале XX века

была в моде. Несмотря на то, что жизнь Анны Андреевны была очень непростой и подкидывала много недобрых сюрпризов, к теме самоубийства она больше не возвращалась.

Будучи же девочкой, она в какую-то трагическую для себя минуту решила повеситься на гвозде, который оказался плохо вбитым в стену, штукатурка обсыпалась, гвоздь вылетел, самоубийство не состоялось, и тема закрылась сама собой.

– ...а мы обрели гениального поэта.

– До того, как я начал заниматься музеем, я собирал коллекцию или список известных людей-самоубийц. Туда вошла и попытка Ахматовой.

Среди замечательных, выдающихся людей очень много таких случаев.

Тема эта очень и очень интересная...

– Тогда, может быть, Вы мне расскажете подробнее о самоубийстве Всеволода Князева? Его самоубийство – это факт?

– Да, это факт. Только что вышел журнал «Даугава» (№ 2), там есть статья Тименчика.¹⁹ Он на основании документов доказывает, что самоубийство Князева произошло не в Ленинграде <sic! – И. Б.>, а в Риге через какое-то время после того события, которое описывает Ахматова в «Поэме без Героя». Так что здесь надо внести кое-какие коррективы. Сама же Анна Андреевна интерпретировала это по-другому. Она была уверена, что Князев застрелился из-за измены Глебовой. И она ставила это ей в упрек.

– Сергей Дмитриевич, я Вас прервала. Можно Вас попросить опять вернуться в 1910-е годы и остановиться на них подробнее.

– Итак, Николай Степанович и Анна Андреевна после Парижа поселились у нас в Царском Селе. В 1911 году, проживая в Царском, Ахматова стала печататься в русских журналах. Это был первый опыт. Кажется, первые ее публикации были в журнале «Аполлон».²⁰ Но в 1911 году она печатается в целом ряде журналов. Я воспринимаю это как то, что к ней сразу пришла слава. Ее хотели печатать все. И приняли ее все: и читатели, и критики, и собратья по Цеху. Но надо сказать, что одновременно у нее появились и недруги. Так, в том же самом 1911 году, в апреле, некто Буренин опубликовал в газете (в журнале не успеть, дело долгое) пародии на некоторые ее стихи.²¹ Причем пародии были грубые, злые, обижающие ее, безусловно. Я думаю, что

она обиделась, потому что те стихи, на которые Бурениным были написаны пародии, она в свои сборники – не включала. В журналах они прошли, но в книги она их не включает. Надо сказать, что ее критиковали, нападали на нее и в газетах, и в журналах и в дореволюционное время. У нас ошибаются многие, уверяя, что нападки на Ахматову были только в советское время. В 1913 году ее критиковали, в 1914 году вышла блестящая статья Недоброво,²² но в этом же 1914 году ей здорово попало и от злобных критиков.²³ Апогеем критики стал 1925 год, когда было дано негласное распоряжение Ахматову не печататься, когда ее обвинили во многих вещах, противоречащих классовому сознанию нового времени. Тогда же кончилась ее первая слава. И ее не печатали 15 лет с 1925 по 1940-е годы.

В сороковом году ее опять начинают печатать в журналах. Печатают книги. Начинается вторая волна славы Ахматовой. Она начинается за год до начала войны и сопутствует ей до самой победы. В этом почете она прожила всю Великую Отечественную войну. «Час мужества пробил на наших часах...», помните, «Мужество»? Это стихотворение напечатал даже центральный орган партии газета «Правда».²⁴ В Ташкенте, куда Ахматова была эвакуирована в 1943 году,²⁵ в тяжелые военные годы, была напечатана ее книжка, сборник стихов «Избранное».²⁶

Ахматова во время войны проявила себя истинным патриотом. Ее поэтический голос звучал громко. Она некоторое время жила в блокадном Ленинграде. И когда немцы бомбили аэродром нашего города Пушкина, в июле 1941 года, Ахматова дала свою великую «Клятву»: «Мы детям клянемся, клянемся могилам, что нас покориться никто не заставит...».²⁷ Сейчас я все время говорю о том, что надо как можно чаще вспоминать ее слова:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Надо вспоминать эти строки чаще, чем во время войны с фашистами. Потому что сейчас мы сидим не на пороховой, а на ядерной бочке. И этой катастрофы мы допустить не должны.

Дело в том, что после войны в 1946 году ее снова запретили печатать, изгнали из Союза писателей.²⁸ Это связано со знаменитым постановлением Жданова во времена культа личности Сталина.²⁹ Беда не обошла Ахматову. Беда вообще прилипчива к Ахматовой. Она всегда говорила: «У меня только так и бывает...». 10 лет ей не подавали руки, переходили на другую сторону улицы, чтобы не здороваться, не «узнавали» при встрече. А в 1956 году, после разоблачения культа Сталина, к Ахматовой пришла третья волна славы. Всюду ее встречали стоя, с аплодисментами. А Союз писателей, который 10 лет тому назад с позором изгнал ее, теперь предоставил ей в пожизненное пользование дачу на Карельском перешейке (в Комарово).

Эту дачку, отдельный домик она нарекла «Будкой». Ею она пользовалась до конца жизни, последние 10 лет.

– *Сергей Дмитриевич, скажите, пожалуйста, чем занималась Ахматова в первый период молчания с 1925 по 1940-й год?*

– Когда ее перестали печатать, чтобы иметь хлеб насущный, она должна была чем-то заниматься. Поэтому она стала тогда научным сотрудником Пушкинского Дома.³⁰ Она была членом редколлегии по изданию трудов Пушкина, которые готовил к печати Пушкинский Дом.

Кроме того, она занималась переводами. Переводов в творчестве Ахматовой даже больше, чем своих собственных стихов. У нас почему-то в ее книги переводы не включены. Думаю, ее переводы когда-нибудь будут изданы.³¹ Кто-нибудь восполнит этот пробел. У нас в Ленинграде некий Песоцкий³² усиленно занимается собиранием переводов Ахматовой. Он говорит, что у него уже больше 500 ее переводческих работ.

А еще она увлеченно занималась в этот период изучением творчества Пушкина. Со временем она была признана отменным пушкиноведом. Недаром говорят, что Томашевский,³³ один из самых признанных пушкинистов, подарил ей свою книгу с надписью: «Лучшему знатоку Пушкина – Ахматовой».

– *Сергей Дмитриевич, а как складывалась ее личная жизнь? Боялась ли она счастья (как и Пушкин), как иные боятся горя?*

– В целом-то жизнь Ахматовой складывалась так, что и не позавидуешь. Как-то Ахматова сама сказала, что, оглядываясь назад, она узнала зависть, наконец. Думаю, она говорит о начале своего пути, о людях, с которыми ей довелось встречаться и дружить. Ведь среди

них были и Блок, и Мандельштам, и Пастернак, и Марина Цветаева. Мужем ее был Николай Гумилев... Возлюбленными Недоброво, Анреп, Шилейко, Пунин – все это цвет эпохи начала века. Знала она, конечно, и Есенина, и Маяковского, просто они не были ей близки по духу. Что говорить. Она жила внутри классики, частью которой была сама. И очень важно, что она получила признание при жизни и славу узнала тоже при жизни.

А вот личная жизнь у нее получилась нескладной. О Николае Степановиче Гумилеве я уже говорил. Она потребовала у него развод в 18-м? (16-м?) году.³⁴ Как только он появился в Ленинграде <sic. – И. Б.>. Во время революции он был за границей. Их развели, и она вскоре вышла за Шилейко. Он стал ее вторым мужем. Шилейко был профессором ленинградского университета, востоковедом.³⁵ Но с ним жизнь тоже не заладилась. Вскоре Ахматова убедилась, что замужество – это ошибка, и жить с ним невозможно. Он писала, что если бы прожила с ним больше, а прожили они три года, то сама бы разучилась писать стихи. Похоже, что Шилейко пытался командовать, но Анна Андреевна не та женщина, которой можно было командовать. Она написала:

Тебе покорной? Ты сошел с ума!
 Покорна я одной лишь божьей воле.
 Я не хочу ни трепета, ни боли,
 Мне муж палач, а дом его тюрьма.³⁶

После того, как она ушла от Шилейко, она жила у подруг, не имея своего дома.

Где-то около 1924 года она стала женой Николая Николаевича Пунина, искусствоведа.

С ним она прожила дольше, чем со всеми остальными, 15 лет. Но через 15 лет не она, а Пунин ушел от нее. А Анна Андреевна осталась в той же комнате флигеля Шереметевского дворца, которая к тому времени стала коммунальной квартирой, с дочкой Николая Николаевича – Ириной Николаевной Пуниной и с внучкой его, дочкой Ирины Николаевны, Анечкой Каминской. И с ними она уже в разных домах, квартирах так и жила до конца своей жизни. Они ее и хоронили. Сын принимал в этом участие, но основные хлопоты по похоронам лежали на Пуниных. Пунина Ирина Николаевна по-

ставила на могиле Ахматовой памятник в виде стенки с барельефом Ахматовой и со скамеечкой. Про этот памятник здесь ходят всякие легенды. А сын на могиле матери поставил сначала большой деревянный, а потом чугунный черный крест.

– *Говорят, что черная шаль на плечах Анны Андреевны (которую она так любила) послужила прообразом для этого креста, т. е. своего рода символом веры.*

– Не знаю, вокруг Ахматовой всегда много легенд складывалось. И про мемориал, который установила Ирина Николаевна, и про личную жизнь. Ей приписывали романы со многими мужчинами и даже с Николаем II. Ну, это, конечно, уже шутка. Много романов ей приписывали безосновательно. Однолюбкой она не была, и мужей у нее было, ну хотя бы три. Недавно Герой Социалистического Труда Юткевич напечатал в газете статью «Маяковский редактирует»,³⁷ но в ней есть две строчки, в которых говорится о том, что в таком-то году мужем Ахматовой стал Лурье (Артур Лурье).³⁸ Не знаю, может роман и был. Я написал Юткевичу письмо с вопросом, на основании чего эта строчка появилась? Он мне ответил, что документов он не видел и на регистрации не был, но ни для кого не было секретом, что Ахматова с Лурье жили вместе, в одной квартире, поэтому все считали их мужем и женой, а зарегистрированы они или нет – с этим никто тогда не считался. Он говорит, что сам был у них в доме, что он заходил к Лурье, но его дома не оказалось. Он спросил Ахматову, сможет ли она передать его просьбу Лурье, и она ответила, что да. И передала все, как просил, потому что на следующий день Лурье пришел...

Сама она говорила еще о муже Гаршине Владимире Георгиевиче, когда она жила в эвакуации в Ташкенте. С Гаршиным Ахматова познакомилась перед войной и подружилась. Гаршин, потеряв жену в блокадном Ленинграде, сделал Ахматовой предложение, прислав его в письменном виде в Ташкент, и Ахматова, дав согласие, считала, что у нее есть муж. Приехав в Москву, она спешила в Ленинград и говорила всем, что там ее будет встречать муж. И когда она ехала в поезде, то говорила об этом со своим спутником. И Гаршин действительно встречал ее на перроне Московского вокзала в Ленинграде. Подойдя, поцеловал ей руку, извинился перед сопровождавшими, отвел в сторону, о чем-то поговорил с ней, опять поцеловал руку и ушел. Он не пригласил ее в свою квартиру, а сказал, что она может поселиться и

пожить некоторое время у Рыбаковых. Где она и жила, но там вскоре произошел окончательный разрыв с Гаршиным, и он вскоре женился на Капитолине Владимировне Волковой,⁴⁰ ставшей потом Гаршиной. После этого Ахматова вычеркнула из своей жизни Гаршина навсегда. Она посвящала ему «Решку» в «Поэме без Героя». Он упоминался, как друг, и в другой части поэмы. Все это она сняла и никогда больше слышать о Гаршине не хотела, и он больше не приходил.

Это была трагедия, после которой Ахматова уже больше замуж ни за кого не собиралась.

– *Сергей Дмитриевич, а какая связь у Ахматовой с именем Исайи Берлина?*

– Я здесь знаю мало, только по слухам. Говорят, что Исайя Берлин навестил ее в Фонтанном Доме.⁴¹ После чего на Ахматову сильно рассердился Сталин. Якобы он сказал: «Ах, она еще заграничных шпионов у себя принимает!..», и с этого времени пошли ее нелады со Сталиным.

– *А как складывались ее отношения со Львом Николаевичем?*

– Поскольку жизнь Ахматовой часто была неудобной, часто она жила в безденежье, бедствуя. Недаром знакомый ей с детства (его детства) Алексей Баталов, актер и режиссер (он только что опубликовал свое эссе «Около Ахматовой» в журнале «Нева» (1984, № 3)⁴²) пишет, что Ахматова часто испытывала нужду, безденежье, голод и холод, и все это переносила не по-царски, как принято думать, а как человек, знающий цену этому состоянию. Поэтому, точнее, по причине неустроенности ее жизни, сына ее большей частью воспитывала бабушка, мать Николая Степановича Александра (Анна) Ивановна Гумилева, а не Анна Андреевна. Поэтому Лева рос с бабушкой. Среднюю школу он проходил, живя в Бежецке вместе с бабушкой. Потом он жил небольшой отрезок времени вместе с Ахматовой в Фонтанном Доме. Но у него не сложились отношения с дочкой Пунина, с Ириной Николаевной. И позже он тоже не жил с Ахматовой. И его судьба складывалась плохо. Он был в двух длительных ссылках.⁴³ И когда он вернулся в 1956 году с документом, подтверждающим его невиновность, он поселился отдельно от Ахматовой, не хотел жить вместе с Пуниными, с которыми жила Ахматова. Но, как Наталья Ильина писала,⁴⁴ он ухаживал за Ахматовой (или Маргарита Алигер⁴⁵). Вместе он жить с матерью не привык. Но он приходил

к ней, навещал ее. <...> Отношения между ними были нормальные. В большинстве случаев были нормальными. Можно сказать, понятные. Но в какой-то момент между ними пробежала черная кошка. О чем писала Лидия Чуковская.⁴⁶ Между сыном и матерью вышла какая-то размолвка. По какому поводу, мы можем только гадать. Едва ли Лев Николаевич будет об этом говорить.

Вот он тогда перестал ходить к матери. Она его имени не упоминала. Но когда она заболела, Лев Николаевич пошел в больницу, кажется, это больница Ленина на Васильевском острове.⁴⁷ Но тут тоже ходят разговоры, что его не пустили Пунины. Я думаю, что Лев Николаевич не тот человек, которого можно не пустить. Он уже наточил зубы, борясь за свою судьбу. Не пустить его было невозможно, просто его, я думаю, убедили, что данный момент неудачный. Она сердечница, расстроится после бывшего между ними конфликта, распереживается, т. е. действительно было не время, чтобы плакать, расстраиваться, из-за этого он и не зашел.

Я говорю, что он поставил крест на могиле Ахматовой. Тоже не побоялся, что кто-то покосится, вот мол, крест, кто-то осудит, время-то у нас советское, религия не в чести. А он считал, что должен это сделать, потому что этого хотела мать. И он выполнил ее просьбу.

На мой взгляд, отношение к матери у него было нормальным и осталось сейчас. Но только вот был какой-то временный конфликт.

– *Сергей Дмитриевич, Вы были на 90-летнем юбилее Анны Ахматовой в Пушкинском Доме, выступали там. Вы были в президиуме вместе со Львом Николаевичем. А он тогда выступал?*

– Да, он выступал. Лев Николаевич не очень часто бывает на мероприятиях, связанных с творчеством Анны Андреевны, но с Пушкинским Домом он дружит. Ему хотелось, чтобы после смерти Ахматовой весь архив и личные вещи матери были сосредоточены в Пушкинском Доме, были бы ему переданы. Поэтому, получив приглашение от Пушкинского Дома, он пришел на это торжество, на это заседание, посвященное 90-летию со дня рождения Ахматовой. Публика попросила тогда, чтобы Лев Николаевич был в президиуме, и он по приглашению людей и членов президиума сел рядом со мной. И как раз после моего выступления выступал он. По просьбе публики тоже. Он в таких немножко шутливых тонах рассказал, как Ахматова работала над своими стихами. Как она ночей не спала. Как

они будили ее. Сказал, что и с ним это тоже бывает. Его выступление было довольно коротеньким. Он был у меня дома. На мое 80-летие. В день моего 80-летия мы отмечали 5-летие музея Ахматовой.

– *Как жаль, что я пришла рано и не могла остаться...*

– Да, да. *(Смеется)*. Я тогда так же, как и Вам, послал ему приглашение.⁴⁸ Считал своим долгом. Ну, думаю, придет, не придет! Как будет, так и будет. Но не пригласить его не мог. Но он, получив мою открытку, позвонил мне и сказал, что будет. Я засмутился, говорю: «Стоит ли?». А он сказал: «Нет-нет. Если ничего не случится, обязательно буду». И он пришел, был с нами за столом. Тоже выступал, но говорил немного. И в перерыве мы разговоры вели. Мои гости его о некоторых вещах расспрашивали. Вот жаль, что Вы тогда не присутствовали. Но от первого слова, которое мы хотели ему дать, отказался. Сказал мне: «Нет, этим делом Вы занимаетесь, Вам и карты в руки. А я просто сын». Но после Павловского,⁴⁹ который тоже был у меня в гостях, выступил и Лев Николаевич.

– *А что он сказал?*

– Я сам волновался и не так запомнил, как мои некоторые гости. Нина Михайловна Романова⁵⁰ говорит, что ей было приятно, что Лев Николаевич все время называл Ахматову мамой или мамочкой. Не Анной Андреевной, не Ахматовой, а мамочкой. Рассказывал о том, что она часто по ночам писала стихи, но об этом она и сама часто говорила.

Особенного чего-то я, честно скажу, не запомнил.

– *Жаль, жаль, что я тогда рано убежала. Исторические события пропускать нельзя. (Смеюсь)*.

– Да. Я думал, что Вы вернетесь. *(Смеется)*. Мы ведь тогда не попрощались на всякий случай.

– *Сергей Дмитриевич, а об истории Фонтанного Дома Вы знаете что-нибудь интересное? Или про жизнь Анны Андреевны там?*

– Как-то так получилось, что Пунин, который был в свое время комиссаром Эрмитажа и Русского музея,⁵¹ так вот он получил отдельную квартиру, трех- как не четырехкомнатную, в бывшем Шереметевском особняке, правда, не в центральной части, а в служебном флигеле. Потом, когда он пригласил к себе Ахматову, поселилась она там с ним. Дальнейшие события сложились так, что квартира из отдельной, пунинской, превратилась в коммунальную. И в ней

оказались лица разных сословий и рангов, фамилий не очень-то связанных друг с другом. Квартира стала коммунальной, но Ахматова любила это место. Она не хотела переходить в другие дома. Но так как в этом здании разместили учреждение, в которое посторонних не пускали, все жильцы имели свои пропуски.

Был такой и у Анны Андреевны, с фотографией. И там, где у сотрудников была указана должность, у Ахматовой было написано – жилец.

Всех жильцов на какое-то время выселили, предоставив другую квартиру, но Ахматова настояла на возвращении в этот дом. После возвращения из Ташкента, от Рыбаковых она опять вернулась в Фонтанный Дом. Но позже она все-таки вынуждена была оставить Фонтанный Дом и перебраться вместе с Ириной Николаевной и Анной Генриховной Каминской на улицу Красной конницы. Потом с улицы Красной конницы они переселились на улицу Ленина на Петроградской стороне. После этого возвращения в Фонтанный Дом были только в стихах. В них она с ним так и не рассталась.

– *Место жительства «Поэмы без Героя» – Фонтанный Дом?*

– Говорят, есть такая легенда Ломана о том, что ее в этом доме навестил Есенин⁵² и будто бы он спросил у нее: «Верно ли, что в этом доме Кипренскому позировал Пушкин?». И тут же заметил, что нет такого художника, который бы так же хорошо, как это сделал Кипренский, изобразил бы его.⁵³ Ахматова нигде об этом не писала. Ломан же утверждает, что все это записал со слов Ахматовой.⁵⁴ И с ее согласия. Единственное, что мы не успели при его жизни, это опубликовать.

– *А Вы не знаете, почему этот Шереметевский дворец называется Фонтанным Домом?*

– Это Ахматова. У нее была такая привычка разным вещам давать имена и клички. Вот, например, свою дачку она назвала Будкой, а дом на Фонтанке – Фонтанным Домом. Это пошло от нее.

– *Говорят, что раньше на территории парка Шереметевского дворца был большой сквер с Фонтанами.*

– Возможно. Это тоже могло дать ей повод назвать его Фонтанным Домом. А может, это и люди выдумывают, потому что вполне достаточно для такого названия того, что дом стоял на Фонтанке.

– *Сергей Дмитриевич, а что Вы скажете о «Поэме без Героя»? Вам понятен текст?*

– Нет, что Вы! Я же не филолог! Я ни в коем случае не рискну

анализировать или даже давать оценочные суждения ее текстам (тем более не рискну публично говорить о «Поэме без Героя»). Я занимаюсь, большей частью, ее биографией, да и то не как, повторю, филолог, а как почитатель и коллекционер. Мои замечания на этот счет будут малоинтересными.

Этим глубоко занимались многие специалисты, Вы занимаетесь этим делом, вам и карты в руки. Вы еще очень молоды и дай бог у Вас будет много разгадок. А для меня, как и для очень многих, эта вещь за семью замками. Сама Ахматова предупреждает читателя, что шкатулка эта с тройным дном, что она писала симпатическими чернилами, т. е. многое засекречивая и пряча. Много здесь непонятного и много неразгаданного, и думаю, никогда не будет разгадано. Я не очень люблю вещи такого порядка. Я предпочитаю, чтобы по порядку все было, складно рассказано, чтобы не надо было ломать голову. Но талант есть талант, гений есть гений. Поэма, ясно, написана гениально и гениальным человеком. Поэтому очень многие и говорят о ее гениальности, тем более, что она была написана зрелым поэтом, в конце жизни. Поэтому не мне судить и толковать.

– *Сергей Дмитриевич, ну скажите о Ваших ощущениях читателя.*

– Вы знаете, в поэме меня поражают отдельные куски, отдельные части. Я их не понимаю, но они завораживают, и их хочется перечитывать. И что удивительно, из этих фрагментов, кусков соткано историческое полотно, Выстраивается панорама времени, в которой угадываются многие события нашей Родины. В тексте поэмы очень многое отражено Ахматовой. Конечно, это большое, крупное историческое полотно.

– *Сергей Дмитриевич и последний вопрос об Ольге Афанасьевне Глебовой-Судейкиной. Что Вы можете о ней рассказать? Простите, я уже перешла на вопросы для себя... Насколько они с Анной Андреевной были дружны, чем они были связаны?*

– Глебова-Судейкина была одной из красавиц 1913 года. Одной из... Их было несколько. Одной из тех, с кем Ахматова была связана, дружила. С Ольгой Афанасьевной Ахматова была очень дружна. Нам известно, что после своего очередного расставания Ахматова жила у Глебовой в ее квартире. В частности, говорят, что и с Артуром Лурье она жила у Глебовой-Судейкиной. Так что в жизни Ахматовой эта личность сыграла немаловажную роль. Недаром Ахматова

вспоминает ее во многих стихах и делает героиней своей поэмы.

– *А что Вы скажете о ее ролях? Известна ли она Вам, как танцовщица.*

– Очевидно, Ахматова высоко оценивала Глебову-Судейкину, считала ее талантливой.

– *А насколько Князев был знаком Ахматовой?*

– Есть разговор, легенда, может быть, о том, что Князев и в Ахматову был влюблен, но не получил взаимности с ее стороны, и потом стал небезуспешно ухаживать за Ольгой. И это кончилось для него трагедией. Во всяком случае, Ахматова была лично знакома с Князевым. И знала его стихи, но стихи эти были опубликованы уже после смерти Князева.⁵⁵

– *И последнее: скажите свое мнение о роли Башни Вяч. Иванова в судьбе Ахматовой.*

– Выйдя замуж за Гумилева, Ахматова сразу же была введена им в среду поэтов. Очень быстро она познакомилась со многими поэтами и так же, как они, стала бывать на башне Вячеслава Иванова. Известно, что она читала там стихи и произвела впечатление на тех, кто ее там слушал. Правда, ее и там критиковали. Это известно из ее писем. Но многие ее стихи были приняты поэтами.

– *А о каких-то личных пересечениях или перемолвках с Вяч. Ивановым Вы ничего не знаете?*

– Нет, ничего. Что-то это я не засек.

– *Ну что ж, спасибо Вам большое, Сергей Дмитриевич! Спасибо огромное-преогромное, какое только бывает, и теплое.*

– Не за что. Приезжайте, пишите, буду рад.

¹ Речь идет об издании: *Ахматова А.* Четки. Стихи. Берлин: Книгоиздательство С. Эфрон, [1921].

² См.: РГАЛИ, ф. 13, оп. 4, ед. хр. 75, 153 л. Первый музей А.А. Ахматовой. (г. Пушкин). Альбом с фотографиями экспонатов и фрагментов экспозиции музея, вырезками из газет со статьями об Ахматовой Анне Андреевне, о музее, об Умникове Сергее Дмитриевиче (основателе музея) (1983–1992). В рукописном отделе ИРЛИ хранится альбом, созданный С. Д. Умниковым и посвященный работе первого музея А. А. Ахматовой. (Р. I, оп. I, 457, 113 л.).

³ Раневская Фаина Георгиевна (Фельдман Фанни Гиршевна, 1896–1984), актриса. Об отношениях Ахматовой и Раневской см.: *Гейзер Матвей.* Фаина Раневская. М., 2010.; *Щеглов Д. А.* Фаина Раневская: «Судьба-шлюха». Дневник. М., 2012.; *Брем Вера.* Раневская и Ахматова. Загадочная дружба. М., 2017.

⁴ Румянцев Александр Михайлович (1945–2004) – переводчик, коллекционер, собиратель материалов об А.А. Ахматовой.

⁵ В настоящее время в серии ЖЗЛ биография Ахматовой представлена в кн.: *Коваленко Светлана*. Анна Ахматова. М., 2009.

⁶ Местонахождение данного портрета в настоящее время не установлено.

⁷ Знакомство Ахматовой с Гумилевым произошло, по свидетельству В. Срезневской, «в сочельник» 1903. Об этом см.: Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 6–7. В. А. Черных датирует эту встречу 24 декабря. (См. *Черных В.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. М., 2016. С. 41. Далее ссылки на это издание – Летопись, с указанием страницы).

⁸ О дружбе Ахматовой с А. Модильяни см.: *Ахматова Анна*. Соч. В 2 т. Т. 2. Проза. Переводы. 2-е изд., испр. и доп. М., 1990. С. 225–232. См. также: *Барийе Элизабет*. Ахматова и Модильяни. Предчувствие любви / Пер. Аси Петровой. М., 2019.

⁹ Н. С. Гумилев несколько раз посещал Африку. Об этом см.: Степанов Е. Е. Летопись жизни Николая Гумилева на фоне его полного эпистолярного наследия. 1886–1921. Т. I. 1886–1913. М., 2019. С. 12, 524–528, 594–616, 800–833.

См. также: *Понов Игорь*. Африканская миссия Николая Гумилева. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/publizist/post396802525/>

¹⁰ О местах пребывания Ахматовой в 1916 см.: Летопись, 134–141.

¹¹ Неточная цитата первой строки стихотворения Ахматовой из цикла «Северные элегии», с авторским указанием даты <1921. Царское Село>. Ср.:

В том доме было очень страшно жить,
И ни камина жар патриархальный,
Ни колыбелька нашего ребенка,
Ни то, что оба молоды мы были
И замыслов исполнены.....
.....и удача
От нашего порога ни на шаг
За все семь лет не смела отойти, —
Не уменьшали это чувство страха.
И я над ним смеяться научилась
И оставляла капельку вина
И крошки хлеба для того, кто ночью
Собакою царапался у двери
Иль в низкое заглядывал окошко,
В то время как мы за полночь старались
Не видеть, что творится в зеркальце,
Под чьими тяжеленными шагами
Стонали темной лестницы ступени,
Как о пощаде жалостно моля.
И говорил ты, странно улыбаясь:
«Кого они по лестнице несут?»
Теперь ты там, где знают всё, — скажи:
Что в этом доме жило кроме нас?

Цит. по: *Ахматова Анна*. Победа над Судьбой. I. Автобиографическая и мемуарная проза. Бег времени. Поэмы / Сост., подгот. текстов, придисл., примеч. Н. Крайневой. М., 2005. С. 237–238.

¹² Название Малой ул. в г. Пушкине до 1993.

¹³ О. Н. Высотский, поэт, экономист, родился 26 октября 1913 (умер 1 сентября 1992), автор кн.: *Высотский Орест*. Николай Гумилев глазами сына. М., 2003.

¹⁴ Высотская Ольга Николаевна (1885–1966), актриса театра Вс. Мейерхольда, мать младшего сына Н. С. Гумилева.

¹⁵ Официальный некролог Союза писателей СССР, РСФСР и Ленинграда был опублик.: Литературная газета. 1966. № 29. 8 марта. Здесь же: статья-некролог Н. Рыленкова «Поэт», статьи К. Паустовского «Великий дар», Иоганнеса Семпера «Ее стихи остаются людям». См. также: *Копылов Л., Позднякова Т.* Послесловие. Мартовские дни 1966 года. (СПб., Невский диалект, 2006).

¹⁶ Глебова-Судейкина Ольга Афанасьевна (1885–1945), актриса, танцовщица, близкая подруга Ахматовой. О ней см.: *Мок-Бикер Элиан.* «Коломбина десятых годов...». Книга об Ольге Глебовой-Судейкиной. СПб.; Париж, 1993.

¹⁷ Князев Всеволод Гаврилович (1891–1913), гусарский корнет, поэт. О нем см.: *Тименчик Р. Д.* Князев Всеволод Гаврилович// Русские писатели. 1800–1917: Биограф. Словарь Т. 2. Г–Л. М., 1992. С. 572; *Богомолов Н. А., Мальмстад Д. Э.* Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха. М., 1996. С. 166.

¹⁸ Речь идет о самоубийстве М. А. Линдберга (1891–1911), которое произошло 23 декабря 1911 во Владикавказе. (См., напр.: Крайнева Н. И., Тамонцева Ю. В., Филатова О. Д. К истории издания «Поэмы без Героя»: Поэма в Собрании сочинений А. Ахматовой // «Я всем прощение дарую...». Ахматовский сборник. СПб., 2006. С. 537.

¹⁹ Речь идет о статье: *Тименчик Р.* Рижский эпизод в «Поэме без героя» Анны Ахматовой // Даугава. 1984. № 2. С. 113–121.

²⁰ Установлено, что литературный дебют Ахматовой состоялся в 1907, когда в русском еженедельнике «Сириус» было опубликовано стихотворение «На руке его много блестящих колец...». (№ 2. С. 8). Первая публикация Ахматовой в журнале «Аполлон» состоялась в 1911, см.: *Ахматова Анна.* Четыре стихотворения <«Сероглазый король», «В лесу», «Над водой», «Мне больше ног моих не надо...»> // Аполлон. 1911. № 4. С. 20–22.

²¹ Речь идет о пародиях В. П. Буренина (см.: *Буренин В. П.* Критические очерки // Новое время. 1911. 29 апреля) на стихи Ахматовой, опубликованные в журнале «Аполлон». См. сн. 15. Ср. у Буренина:

ДУДА

Ах, Маковский-пастушок,
Я пишу, пишу в бреду:
В «Аполлоне» мой стишок
Поместишь ты на виду?

От восторга заведу
На дуде мотив: ду-ду.

Мне Маковский – милый он –
Молвит: «Пусть сгорю в аду,
Но тебя я в „Аполлон“
Рядом с Брюсовым введу,

Заиграй скорей – я жду –
Заиграй в дуду ду-ду».

И Маковский-пастушок
И себе, и мне к стыду
В «Аполлоне» мой стишок
Напечатал на виду.

От восторга я пойду –
Утоплюсь с дудой в пруду.

В ЛУЖЕ

Имею я четыре носа –
Четыре «пяточка» свиных,
Тремя глазами смотрю я косо –
Один свиный и два своих.

Лежу я в луже зловонно-липкой,
Носами чую в квадрате смрад,
А на меня с немой улыбкой
Четыре борова глядят.

Сова дивится, что глаз свиный
В затылке у меня блестит,
И смотрит сверху с важной миной,
А мой жених убит, убит.

Соплю я четырьмя носами,
Тарашу я свиный глаз.
Но что мне делать – судите сами –
Когда я в луже улеглась.

ТА ЖЕ ГЛУБОКО ПОЭТИЧЕСКАЯ ТЕМА

Мне ног не надо – ноги к черту!
Пусть превратятся в рачий хвост:
Предавшись раковому спорту,
Нырну под Полицейский мост.

Коль в голове все мысли пусты –
На что она, скажите? Ах,
Пусть вырастет кочан капусты
На беломраморных плечах.

А ты, игрушечный, что станешь
Тогда со мною делать – ну?
За рачий хвост меня потянешь,
Как в волны Мойки я нырну?

Сняв с плеч моих кочан, разрубишь
Его, чтоб борщ сварить аль щи?
Ты побледнела. Не так любишь?
Другую для себя ищи!

См.: заметку Р. Д. Тименчика в изд.: From Mecheva | Russian Culture to Modernism: Studies in Honor of Ronald Vroon. Frankfurt/M., 2012. С. 266–268, а также *Чабан Александра*. Пародии на Ахматову. Курс № 34. Мир Ахматовой. [Электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/materials/990>

²² См.: *Недоброво Н.* Анна Ахматова // Русская мысль. 1915. № 7. С. 50–68. Ахматова очень высоко оценивала статью Н. Недоброво, называя ее пророческой. Об этом см.: Записные книжки Анны Ахматовой. 1958–1956 / Сост. и подгот. текста К. Н. Суворовой; вступ. ст.

Э. Г. Герштейн. М.; Torino, 1996. С. 489; Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. В 3 т. / Подгот. текста и примеч. Е. Ц. Чуковской и Ж. О. Хавкиной при участии Е. Б. Ефимова. М., 1997. Т. 1. С. 116, 124–125).

²³ Перечень рец. на книгу Ахматовой «Четки» (СПб., 1914) см.: Летопись литературных событий. Вып. 3. М., 2005. С. 309–311.

²⁴ См.: Правда. 1942. 8 марта.

²⁵ Ахматова была эвакуирована из Ленинграда 28 сентября 1941 в Москву, в Ташкент прибыла 9 ноября 1941. См.: Летопись, 401–403.

²⁶ Речь идет об издании: *Ахматова Анна*. Избранное. Стихи / Сост. К. Зелинский. Ташкент, 1943.

²⁷ Цитата из стихотворения «Клятва», датированного июлем 1941:

И та, что сегодня прощается с милым, –
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

²⁸ О нем см.: *Бахтин В.* Анна Ахматова и Союз Писателей // Звезда. 1996. № 8. С. 228–238.

²⁹ См.: Летопись, 496–506.

³⁰ Официальным сотрудником ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР Ахматова не являлась. О сотрудничестве Ахматовой с Пушкинским Домом см.: *Тименчик Р. Д.* Анна Ахматова и Пушкинский Дом // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 106–118.

³¹ В наст. время собраны в издании: *Ахматова Анна*. Собр. соч. В 6 т. Т. 8 (дополнительный). Переводы. 1950–1960-е годы / Сост., коммент., ст. Н. В. Королевой. Подгот. текста Э. В. Песоцкого, Н. В. Королевой. М., 2005. Переводы Ахматовой см.: *Голоса поэтов: Стихи зарубежных поэтов в переводе Анны Ахматовой*. [Предисл. А. Тарковского.] М.: Прогресс, 1965. (Мастера поэтического перевода. Вып. 4). О переводческой деятельности Ахматовой см.: *Крайнева Н. И., Песоцкий Э. В.* Поэтические переводы Анны Ахматовой // Звезда. 1989. № 6. С. 38–42; *Харджиев Н. И.* О переводах в литературном наследии Анны Ахматовой // Тайны ремесла. Ахматовские чтения. Вып. 2. М., 1992. С. 230–232; *Мкртчян Левон*. Анна Ахматова. Жизнь и переводы. Егвард, 1992. См. также: *Саакянц Каринэ*. Из архива Левона Мкртчяна. О работе Л. Мкртчяна над книжкой «Анна Ахматова. Жизнь и переводы». [Электронный ресурс]. URL: http://www.yso.am/files/01K_Sahakyanc_r.pdf

³² Песоцкий Эрнест Викторович (1932–1998), коллекционер. О нем см.: Эрнест Викторович Песоцкий. <Некролог> // Известия Русского генеалогического общества. 1999. № 10. С. 114.

³³ Томашевский Борис Викторович (1890–1957), писатель, переводчик, литературовед, исследователь творчества А. С. Пушкина, автор кн. «Пушкин. Кн. 1. (1813–1824)» (М.; Л., 1956). Об отношениях см. интервью с З. Ю. Томашевской. [Электронный ресурс]. URL: <https://nvspb.ru/2009/06/23/dlyamenuaahmatovabilavsegda-40463>

³⁴ Официальный развод Н. С. Гумилева и Ахматовой состоялся 23 июля/5 августа 1918. См.: Летопись, 157.

³⁵ Шилейко Владимир Казимирович (1891–1930), востоковед, поэт, переводчик.

³⁶ Строфа из стихотворения Ахматовой 1921. Ср.:

Тебе покорной? Ты сошел с ума!
Покорна я одной Господней воле.
Я не хочу ни трепета, ни боли,
Мне муж – палач, а дом его – тюрьма.

Но видишь ли! Ведь я пришла сама...
Декабрь рождался, ветры выли в поле,
И было так светло в твоей неволе,
А за окошком сторожила тьма.

Так птица о прозрачное стекло
Всем телом бьется в зимнее ненастье,
И кровь пятнает белое крыло.
Теперь во мне спокойствие и счастье.
Прощай, мой тихий, ты мне вечно мил
За то, что в дом свой странницу пустил.

³⁷ Юткевич Сергей Иосифович (1904–1985), режиссер, театральный деятель. О нем см.: *Молдавский Д.* С Маяковским в театре и кино. Книга о Сергее Юткевиче. М., 1975; а также заметки Р. Д. Тименчик в изд.: Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 5. Симферополь, 2007. С. 185; Путеводитель по «Записным книжкам» Ахматовой // Пермьяковский сборник. Ч. 2. М., 2009. С. 607. Работа, о которой упоминается в интервью, вошла в кн.: Юткевич С. И. Поэтика режиссуры: Театр и кино. М., 1986. Ср.: «...у москвичей не ладилась отношения с “леваками” города на Неве. Ни один из них не сотрудничал в “ЛЕФе”, хотя многие считались его союзниками – художники Татлин, Филонов, режиссер и поэт Игорь Терентьев; но композитор Артур Лурье, сочинивший музыку к “Левому маршу” Маяковского, женился на Анне Ахматовой и “переметнулся” к бывшим акмеистам, а всеми командовал теоретик Николай Пунин, демонстративно порвавший с социальными установками Маяковского и “ЛЕФа”» (Там же. С. 437).

³⁸ Лурье Артур Сергеевич (1892–1966), композитор, литератор. О нем см.: *Кралин М. М.* Артур и Анна: Роман. Л., 1990; *Рубинчик Ольга.* В поисках потерянного Орфея: композитор Артур Лурье // Звезда. 1997. № 10. С. 198–207.

³⁹ Гаршин Владимир Георгиевич (1887–1956), врач, патологоанатом, о нем см.: *Аничков Н. М.* В. Г. Гаршин – яркий представитель научной школы Н. Н. Аничкова // Архив патологии. 2011. Вып. 5. С. 47–55. Об отношениях Ахматовой и В. Г. Гаршина см.: *Рыбакова О. И.* Горькая правда // Об Анне Ахматовой. Стихи, эссе, воспоминания. Л., 1990. С. 224–230; *Позднякова Т. С.* Петербург Ахматовой: Владимир Георгиевич Гаршин. СПб., 2002; *Позднякова Т. С.* Виновных нет... (Ахматова и Гаршин). [Электронный ресурс]. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9F/pozdnyakova-t-s/vinovnih-net-ahmatova-i-garshin>

⁴⁰ Настоящее имя: Волкова Капитолина Григорьевна (1889–1984), врач, вторая жена В. Г. Гаршина.

⁴¹ Берлин Исайя (1909–1997), философ, переводчик. См.: *Далож Дьердь.* Гость из будущего. Анна Ахматова и сэр Исайя Берлин. История одной любви / Пер. А. Гусев. М., 2010; *Позднякова Т. С.* «Я незаслуженно получил бессмертие в ее поэзии» (Из переписки Исайи Берлина) // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 7. Симферополь, 2009. С. 3–30.

⁴² Баталов Алексей Владимирович (1928–1917), актер, режиссер. См. также: *Баталов Алексей.* Рядом с Ахматовой // Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 556–568.

⁴³ Сына Ахматовой, Гумилева Льва Николаевича (1912–1992) арестовывали четыре раза: в декабре 1933, без предъявления обвинения; 23 ноября 1935 вместе с Н. Н. Луниным и др. студентами – (после письма Ахматовой к Сталину 3 декабря освобожден вместе с другими); в 1938 вместе с Т. А. Шумовским и Н. П. Ереховичем, 28 сентября суд военного трибунала приговорил Гумилева к 10 годам заключения с конфискацией имущества; отправлен сначала в Медвежьегорск, затем на строительство Беломорканала, в 1939 дело пересмотрено, приговор изменен на 5 лет лагерей (с зачетом тюремного заключения и работы на строительстве Беломорканала); с октября 1939 по март 1943 Гумилев отбывает наказание в исправительно-трудно-

вом лагере в Норильске, 10 марта 1943 освобожден из заключения и оставлен на вольном поселении; 6 ноября 1949 арестован и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, с 1949 по 1956 отбывает срок в лагерях в пос. Чурбай-Нура под Карагандой (Песчлаг, Степлаг), в пос. Ольжерас (Междуречье), с 1955 в г. Междуреченске Кемеровской обл. и под Омском (Камышлаг), 11 мая 1956 освобожден.

⁴⁴ Ильина Наталья Иосифовна (1914–1994), писательница, журналист, критик. См. ее воспоминания: *Ильина Наталья*. Анна Ахматова, какой я ее видела // Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 569–594 (впервые: *Ильина Н. Дороги*. Автобиографическая проза. М., 1983).

⁴⁵ Алигер Маргарита Иосифовна (1915–1992), поэт, переводчик, автор воспоминаний: *Алигер М. И.* В последний раз // Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 349–367 (впервые: Москва. 1974. № 12. С. 149–179; позже: *Алигер Маргарита*. Тропинка во ржи. М., 1980. С. 331–398). Из воспоминаний М. Алигер: «И я никогда не видела ее такой радостной, как в третью нашу встречу, когда весенним московским вечером я пришла к Ардовым повидать Ахматову, только что приехавшую из Ташкента. Она была оживленная, преображенная, молодая и прекрасная. Подняла свою знаменитую челку, открыв высокий, чистый, удивительный лоб, и все лицо ее стало открытое, доступнее, покойнее. Все было замечательно – она прямо говорила об этом, – ее сын был жив и здоров, ее город был свободен, и ее там ждали... Война шла к концу, к победе, и жизнь словно начиналась снова и по-новому. Больше я никогда не видела ее такой откровенно счастливой.

В Москве она не задержалась, через несколько дней уехала в Ленинград. Уехала, как улета, полная добрых надежд. И близкие люди радовались за нее. Недолго, однако.

... Весной 1946 года я некоторое время прожила в Ленинграде – репетировалась моя пьеса. Жила я в “Астории”, где неизменно встречались знакомые москвичи, ежевечерне приходили друзья-ленинградцы, и было интересно и весело. У Ахматовой я бывала часто и чувствовала себя с ней все свободнее и проще. Она охотно читала новые стихи – они у нее в ту весну писались и печатались, – готовила большую книгу, была деятельна и бодря. Лев Николаевич вернулся с войны целым и невредимым, жил с матерью. Казалось, жизнь наконец потекла нормально. <...> Осенью шестьдесят пятого года она заболела и надолго слегла в Боткинскую больницу. Ее друзья составили жесткий график посещений, и каждому желающему повидать Анну Андреевну следовало заранее подать заявку. Иначе едва ли удалось бы справиться с “ахматовкой” – так она сама называла коловращение людей вокруг себя. Но мне, по правде говоря, на таких жестких условиях не захотелось включаться в поток посетителей, который и без меня был нескончаем. Но я-то что! – случилась неизмеримо более горькая накладка. Лев Николаевич Гумилев после долгой разлуки приехал в Москву повидать мать, но, придя в Боткинскую больницу, не смог получить разрешения на свидание, не был предусмотрен, не подал заранее заявки. Ему удалось только передать записку. Соседка по палате рассказывала, как взволнована была Анна Андреевна этой запиской и тем, что сын не был к ней допущен. Настолько взволнована, что, вопреки своей обычной сдержанности, целый вечер в слух возбужденным голосом говорила о том, как ужасно все получилось.

– Как же не понимают мои друзья, – сетовала она, – что это сын мой единственный, самый близкий мне человек, наконец, единственный мой наследник...» (С. 346, 350, 394).

⁴⁶ Ссора между Ахматовой и Л. Н. Гумилевым произошла, по свидетельству современников, в конце сентября – начале октября 1961. Возможно, С. Д. Умников мог знать издание: *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. 1952–1962. Париж: Умса-Press, 1980. Однако характер описания событий этого периода у Чуковской иной. Ср.: упоминания о Л. Н. Гумилеве в записках Чуковской, относящихся к 1962: «Мы сели на отдельный диванчик, и я вынула из сумки пастилу, мандарины и заранее наколотые орехи. <...> Я поздравила Анну Андреевну с Лёвиной диссертацией, передала ей – со слов Оксмана, – что Конрад считает его великим ученым.

– Этот великий ученый не был у меня в больнице за три месяца ни разу, – сказала Анна Андреевна, потемнев. – Бог с ним, с Лёвой. Он больной человек. Ему там повредили душу.

Ему там внушали: твоя мать такая знаменитая, ей стоит слово сказать, и ты будешь дома.

Я онемела.

– А мою болезнь он не признает. “Ты всегда была больна, и в молодости. Всё одна симуляция.”

<...>

Я, конечно, давно уже чувствовала, что между Лёвой и Анной Андреевной неладно – однако чувствовать или услышать, – большая разница... Лёва и в самом деле верит, будто он пробыл в лагере так долго из-за равнодушия и бездействия Анны Андреевны. Я – многолетняя свидетельница ее упорных, неотступных хлопот, ее борьбы за него. Больше, чем хлопот, то есть писем, заявлений, ходатайств через посредство влиятельных лиц. Всю свою жизнь она подчинила Лёвиной каторге; все; даже на такое унижение пошла, как стихи в честь Сталина, как ответ английским студентам. И от драгоценнейшей для себя встречи отказалась, боясь повредить ему. И сотни строк перевела, чтобы заработать на посылки ему, сотни строк переводов, истребляющих собственные стихи. А Лёва, воротившись, ее же и винит!.. Но, подумала я, искалечен он не только лагерем: и юностью, и детством. Между родителями – разлад» (С. 401–402).

⁴⁷ В первых числах октября 1961 Ахматова с третьим инфарктом была помещена в больницу им. Ленина, располагавшуюся на Большом пр. Васильевского острова, «в Гавани». См.: Летопись, 686.

⁴⁸ См.: РГАЛИ, ф. 13, оп. 2, ед. хр. 6. Приглашенный билет первого музея А. А. Ахматовой в г. Пушкине на празднование 80-летия основателя и хранителя музея С. Д. Умникова (октябрь 1982).

⁴⁹ Павловский Алексей Ильич (1926–2004), литературовед, критик, научн. сотрудник Пушкинского Дома, автор книги: *Павловский Алексей*. Анна Ахматова. Очерк творчества. Л., 1966 (2-е изд. – 1982, 3-е – 1991).

⁵⁰ Иванова-Романова Нина Михайловна (1909–1995), поэт. О ней см.: *Яцкевич Л. Г.* «...Вся жизнь моя отмечена тобою...» (О жизни и поэзии Н. М. Ивановой-Романовой) // Череповец. Краеведческий альманах. Вологда, 1999. № 2. С. 502–512; *Минина Р. С.* «Словно услышали мою печать...» // Там же. С. 524–526, а также заметку Р. Д. Тименчика в изд.: Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский научн. сб. Вып. 4. Симферополь, 2006. С. 148–149.

⁵¹ Пунин Николай Николаевич (1888–1953), искусствовед, в 1918–1919 комиссар Русского Музея и Эрмитажа. См.: *Мюррей Наталья*. Невоспетый герой русского авангарда. Жизнь и судьба Николая Пунина. М., 2018. С. 96–140.

⁵² О встрече Ахматовой с Есениным см. запись П. Н. Лукницкого от 28.12.1927: «1924. Июль. Прочла в “Красной вечерней газете” рецензию на “Роман без вранья” Мариенгофа. По этому поводу заговорили об Есенине и о том, как Есенин с Клюевым, И. Приблудным и еще одним имажинистом пьяные пришли к ней в 1924 году (в июле 1924 г.) на Фонтанку, 2. Подробно АА мне уже все рассказывала. А сегодня говорила, что Приблудный и другой имажинист ушли раньше, Клюев с Есениным остались, но Клюев был так пьян, что заснул, разлегшись поперек кровати. Есенин же, оставшись наедине с АА (ибо Клюев спал), стал вести себя гораздо тише, перестал хулиганить, а заговорил просто, по-человечески. В разговоре ругал власть, ругал всех и вся... Потом разбудил Клюева и ушел. Это – единственная встреча АА с Есениным. АА отнеслась к ней как к обычному хулиганству и московскому хамству... Характерно не это. Характерно, что дня через два АА, идя по Моховой (или в Летнем саду), встретила Есенина, шедшего с несколькими имажинистами. Есенин, увидев АА, нарочито громко сказал своим спутникам что-то нелестное по адресу АА и прошел мимо, поклонившись с вызывающим видом и приложив к цилиндру два пальца. Из того, что, оставшись прошлый раз наедине с нею, Есенин не хулиганил, а говорил просто и достаточно (для Есенина) вежливо, а здесь (совершенно явно для того, чтобы показать свое хулиганство по отношению к Анне Ахматовой товарищам) схулиганил, АА поняла, что хулиганство Есенина нарочитое, выдуман-

ное, напускное и делается для публики. И вот это утвердило окончательно ее отрицательное отношение к Есенину. С Есениным АА больше не встречалась». (*Лукницкий П. Н. Асуміана. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 2. 1926–1927. М., 1997. С. 339–340*).

⁵³ Речь идет о портрете А. С. Пушкина работы О. А. Кипренского, выполненном в 1827 по заказу А. Дельвига. 25 мая 1827 Пушкин действительно позировал Кипренскому в Петербурге, в доме Д. Н. Шереметева на Фонтанке, где располагалась мастерская художника.

⁵⁴ Ломан Александр Петрович (1909–1975), учитель, исследователь, мемуарист. О записях А. П. Ломана см.: *Кралин М. Победившее смерть слово. Статьи об Анне Ахматовой и воспоминания о ее современниках. Томск, 2000. С. 129–153*. В публикации воспоминаний А. П. Ломана М. М. Кралин воспроизводит неавторизованную машинопись «Встречи и расставания. Анна Ахматова о Сергее Есенине», датированную 23 февр<аля> 1966, из Архива С. А. Есенина (ИРЛИ, ф. 817, ед. хр. 47, 12 лл.).

⁵⁵ Речь идет о посмертном издании его стихов: *Князев Всеволод. Стихи. Посмертное издание. СПб., 1914*.